
В. А. Жучкевич

**К ВОПРОСУ О БАЛТИЙСКОМ СУБСТРАТЕ
В ЭТНОГЕНЕЗЕ БЕЛОРУСОВ**

В статье В. В. Седова «К происхождению белорусов», напечатанной в журнале «Советская этнография» № 2 за 1967 г., излагается одна из точек зрения на этногенез белорусов. Идеи автора нельзя считать новыми. В тех или иных аспектах они обсуждаются уже более полувека. Среди работ, имеющих самое непосредственное отношение к этой проблеме, можно назвать, кроме приведенных автором, также работы Э. И. Вольтера¹, М. Я. Гринблата² и др. В своей статье В. В. Седов использует материалы археологические, антропологические, топонимические, лингвистические и этнографические в широком смысле слова. Очевидно, что надежность построений автора зависит от достоверности приводимых им данных.

Мы не имеем оснований высказывать суждения об археологическом или антропологическом аспекте проблемы, скажем лишь о топонимических свидетельствах, потому что, во-первых, они находят за последние годы все более широкое применение; во-вторых, они специально исследовались автором настоящей статьи на протяжении многих лет³; в-третьих, именно эти материалы таят в себе при поспешном применении возможности больших ошибок.

Можно считать вполне доказанным, что в ряде мест Белоруссии действительно сохранились названия географических объектов несомненного балтийского происхождения. К их числу относится около 40 наименований водных объектов и более 250 названий поселений. Примерами могут служить названия рек Друть, Ореса, Улла, Клева и др., названия поселений — Кимия, Жажелка, Жукле, Илагайцы и др.

Отдельные «балтизмы» были указаны на карте Белоруссии еще в конце XIX в., но систематического исследования богатого топонимического материала во всем его комплексе, ценного своей устойчивостью и привязкой к месту, в сущности не производилось. А. Кочубинский, на которого ссылается В. В. Седов, отметил очень немного балтийских названий, взятых из различных частей Белоруссии. Ясных ареалов балтийской топонимии по его данным выделить нельзя. Значительно полнее охвачены топонимические материалы К. Бугой, перу которого принадлежит, кроме приведенных автором, также ряд работ на литовском языке. Но К. Буга использовал лишь очень небольшую часть исторических документов, большинство же источников были ему, вероятно, неизвестны. Первой попыткой систематического изучения топонимии (гидронимии) приднепровской части Белоруссии нужно считать работу В. Н. То-

¹ Э. И. Вольтер, Следы древних прусов и их языка в Гродненской губернии, «Известия Общества русского языка и словесности», т. 16, кн. 4, СПб., 1912.

² М. Я. Гринблат, К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов, в сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959.

³ Они изложены в работах автора: В. А. Жучкевич, Топонимика, Минск, 1965; его же, Топонимия Белоруссии (в печати).

порова и О. Н. Трубачева⁴, на которую главным образом и ссылается В. В. Седов. Отмечая несомненные достоинства последней работы, следует все-таки отметить, что как и любое другое исследование, она не может претендовать на законченное решение сложной проблемы. Многие неточности и ошибки в ней объясняются тем, что: 1) фактические материалы, почерпнутые из единственного источника (списка рек Днепровского бассейна П. Маштакова), не выверены на месте; 2) речные названия неправомерно извлечены из всего топонимического ландшафта и рассматриваются вне должной связи с историческим процессом и географическими условиями (высказываются предположения о возможном происхождении названия, но не учитываются существующие документальные данные об их фактическом происхождении); 3) допускается значительная степень трансформации балтийских названий (в процессе их ассимиляции), но почти не учитывается трансформация самих славянских названий в процессе развития белорусского языка. Поэтому к числу «балтийских» гидронимов отнесены названия, не имеющие ничего общего с балтийскими языками⁵, а границы «балтийской гидронимии» необоснованно расширены. К. Буга принимал за такую границу реку Припять, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев считают, что и к югу от этой реки возможны балтийские названия, не высказывая окончательной уверенности в этом. В. В. Седов без всяких оснований еще более расширяет территорию балтийской гидронимии, включая в нее также Украинское Полесье. Но на основании одного лишь присутствия единичных названий, ошибочно объясняемых балтийскими языками, недопустимо делать вывод о границах ареала: необходим всесторонний историко-географический анализ этих названий. Например, такое казалось бы очевидное по своей балтийской основе название на правобережье Припяти, как Кимбаровка (Мозырский район), происходит от фамилии владельца усадьбы Кимбара и т. п. На территории Литвы и Латвии мы встречаем много славянских названий, но из этого совсем не следует, что эти республики расположены в области славянской топонимии. Совершенно прав Н. Н. Третьяков, отмечая, что «если следовать такой методике, соединяя крайние точки, то северную границу иранцев пришлось бы провести... по линии Могилев — Брянск — Курск»⁶.

В течение многих лет мною всесторонне и фронтально изучалась топонимия Белоруссии (названия рек, озер, поселений, урочищ) во всех ее сложных, исторически сложившихся связях и взаимоотношениях⁷. Общий топонимический фонд составил, таким образом, более 27 тысяч названий. При таком обилии материала для всей территории республики обеспечивается «плотность» топонимов, достаточная для того, чтобы определить топонимические границы и первого, и второго порядка. Не приводя обильного фактического материала и сложного соотношения

⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

⁵ К числу их относятся, например, такие славянские названия, как Беседь, Болочанка, Ведерка, Ведричь, Веремейка (Еремейка), Вечта (Ветча), Вызненка, Весе́йка, Вить, Гайна(я), Деражня, Добрейка, оз. Домжерицкое (имя Доможир), Домашня (фамилия Домашевский), Зембин (польск. Żabín из Жабин) и другие, происхождение которых установлено документально. См. также А. И. Яценко, О некоторых гидронимах Посемья, которые ошибочно считаются балтийскими, Тезисы Конференции по топонимике Северо-Запада СССР, Рига, 1966.

⁶ П. Н. Третьяков, Восточные славяне и балтийский субстрат, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 117.

⁷ Некоторые материалы по этому вопросу изложены в работах автора: В. А. Жучкевич, Происхождение географических названий Белоруссии, Минск, 1961; его же, Топонимика, краткий географический очерк, Минск, 1965, и в более полном виде в работе «Топонимия Белоруссии».

в топонимии БССР, скажем только, что весьма отчетливая граница балтийской топонимии на юге проходит примерно по линии Пружаны — Слуцк — Рогачев — Костюковичи⁸. Крайними на юге балтийскими названиями нужно считать при этом название реки Ясельда (верховья реки), имя древнего поселения Мотоль Ивановского района Брестской области, название реки Оресы (верховья) и т. д. Приведенная линия довольно близко совпадает с границами зарубинецкой культуры. На первый взгляд может показаться, что отдельные «балтийские» названия есть и к югу от этой четкой линии, но при тщательной проверке выясняется, что все немногочисленные предполагаемые балтийские названия имеют там либо славянское происхождение, либо происходят от личных имен и фамилий. Указанную мною границу балтийской топонимии можно проследить и на рис. 2 и 3 обсуждаемой статьи В. В. Седова, где к северу от нее показано резкое увеличение археологических свидетельств балтийского происхождения.

Сплошное изучение топонимии БССР при наличии большой плотности названий на единицу площади позволило также выявить и другие интересные закономерности. К северу от южной границы балтийской топонимии мы встречаемся со сгущениями балтийской топонимии на территориях, которые, по-видимому, долго оставались балтийскими очагами в славянском окружении. Наиболее устойчивыми из них следует считать район к северо-востоку от Минска, а также значительный ареал вокруг Лиды. Гораздо слабее выражен ареал балтийской топонимии в районе Копыля. Наряду с балтийскими мы встречаем очаги чистой славянской топонимии, где балтийские названия отсутствуют. Таковы, например, ареалы чистой славянской топонимии в верховьях Вилы, в полосе от Кличева — Кировска на запад к Новогрудку и др. Распространение топонимов балтийского происхождения показано на прилагаемой карте.

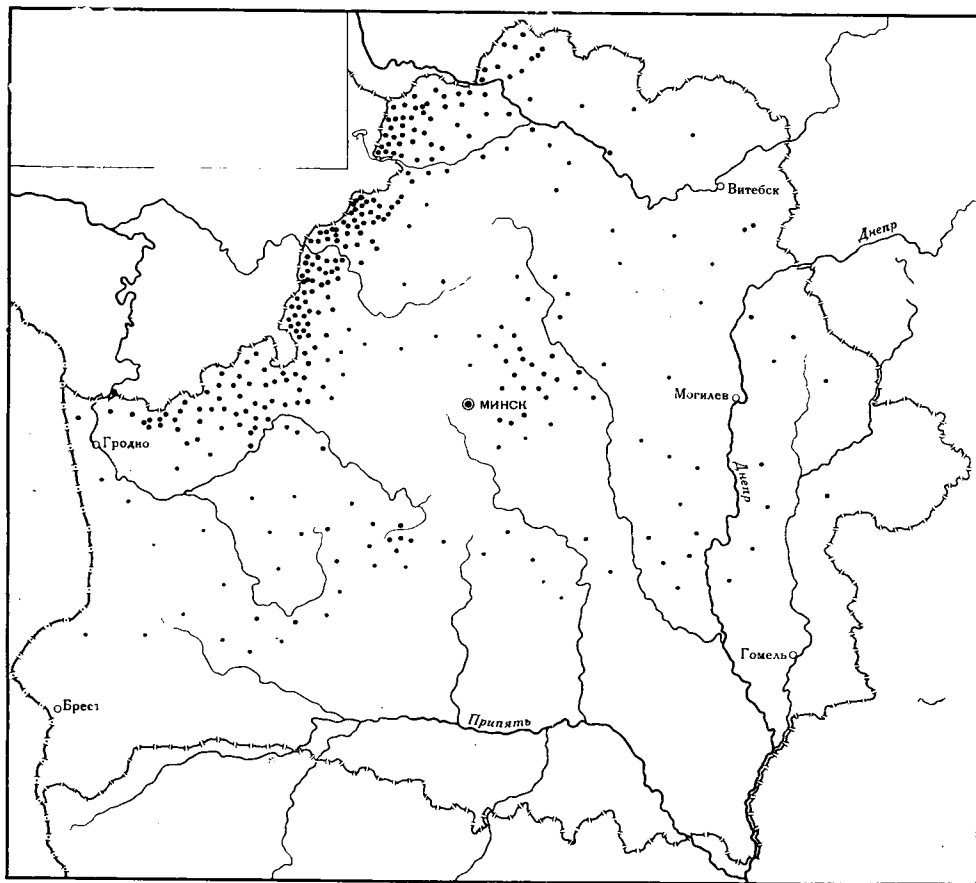
Приведенные факты говорят о том, что на территории Белоруссии происходил весьма длительный процесс ассимиляции балтийского населения славянами, занимавшими главным образом речные долины, охватывающие водораздельные пространства, которые еще долго сохраняли свою прежнюю балтийскую самобытность. Этот процесс, начало которого по топонимическим данным установить даже и приблизительно пока еще нельзя, закончился на территории БССР совсем недавно. Э. Вольтер, а затем М. Гринблат приводят неоспоримые факты того, что еще в XIX в. отдельные семьи, проживавшие в таких очагах, а иногда и все население небольших сел знало язык, близкий к литовскому⁹. Процесс совместного чересполосного проживания балтийских народов и славян констатировал около 80 лет назад также И. Спрогис, который писал: «В словаре моем найдется несколько сот чисто русских названий, местонахождение которых показано в чисто литовских местностях, начиная с самого сердца литовского поселения — Жомойтской земли. Названия эти нередко означают крупные имения, села и т. п.; но большей частью ими обозначаются небольшие участки земли — в виде урочищ, нив, пустоши и пр. Таковы, например, несколько названий Адамовщица — нива, Адриевщица — земля... Белевичи — им., Лебеди — село, Межиреч — им., Полесье — им., Новосады — село... Названия эти свидетельствуют, что среди сплошного литовского населения, подобно тому, как среди дремучего соснового бора, то там, то

⁸ Эта граница дается в моей работе «Топонимика, краткий географический очерк», стр. 144, фактический же материал по этому вопросу дан в работе «Топонимия Белоруссии».

⁹ Э. И. Вольтер, Указ. раб.; М. Я. Гринблат, Указ. раб.

здесь попадаются деревья других пород, жили в малом проценте чисто русские люди, владеющие землею, между которыми были даже крупные помещики»¹⁰.

В статье В. В. Седова временные рамки даны очень приблизительно. К сожалению, топонимические материалы не позволяют уточнить этот

Названия балтийского происхождения на территории Белоруссии. Точками обозначены балтийские названия независимо от объекта носителя (река, озеро, поселение). Названия рек показаны точкой в одном месте

вопрос. Но нужно полагать, что в «очагах» новые балтийские географические названия возникали еще в XIV—XV вв., это значит, что примерно пять веков назад в них употреблялся какой-то из балтийских языков.

П. Н. Третьяков в статье «Восточные славяне и балтийский субстрат» пишет, что «днепровские балты... послужили субстратом не белорусской средневековой народности, как думает В. В. Седов, а ее предшественницы — древнерусской народности»¹¹. Это утверждение представляется мне слишком сомнительным. Хотя само понятие субстрата еще точно не очерчено, и каждый автор вносит в него что-то свое, топонимические данные не могут служить основанием для такого утверждения (речь

¹⁰ И. Я. Спрогис, Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам, Вильно, 1888, стр. XV.

¹¹ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 116.

идет только о топонимическом аспекте). Во-первых, нельзя преувеличивать устойчивости топонимических данных. Изучая историю каждого географического названия БССР (насколько это позволили документальные данные), нетрудно прийти к заключению о том, что лишь ничтожная часть их (1—2%) сохраняется в неизменном виде в течение 5—6 веков; около 10—15% дошли до наших дней в сильно измененном виде; огромное же большинство их претерпело коренную трансформацию. Следовательно, географические названия, в которых мы сейчас еще узнаем балтийские основы, должны были сохранять свое дотопонимическое, апеллятивное значение, как правило, еще в XIII—XIV вв. (в «балтийских очагах»). Во-вторых, в белорусском языке довольно много слов, общих с литовским, но не известных в русском (порядка 300, не считая производных и интернациональных). Они относятся чаще всего к явлениям природы и предметам хозяйственной деятельности. В то же время в русском и украинском языках число слов, общих с литовским, незначительно. Это могло сложиться только вследствие тесного общения белорусского народа с литовским. Таким образом, следует говорить не о балтийском субстрате в этногенезе белорусов, а лишь об участии балтийских народов в этногенезе белорусов. Это участие было относительно небольшим, но длительным по времени, охватывая исторический период порядка тысячелетия (IX—XIX вв.). Такая длительность объясняется тем, что славянские передвижения направлялись не на северо-запад (к Литве), а на север и северо-восток. Территория современной Литвы оставалась балтийской и контакты славян с балтийскими народами носили в пространстве между Неманом и Днепром маргинальный (пользуясь термином Б. А. Серебренникова)¹², пограничный характер. Таким славянским пограничьем и была часть Белоруссии.

Говоря о топонимических свидетельствах этногенетического процесса, нельзя не обратить внимания на типичные ошибки, допускаемые многими исследователями при использовании топонимических материалов.

1. Нельзя оперировать какой-то частью топонимии, например, речными названиями, в отрыве от всего комплекса географических названий данной территории. В основе выделения речных названий в особую отрасль топонимики (гидронимику) лежит мнение о том, будто речные названия всегда старше названий поселений. Конечно, сами реки всегда старше поселений, но далеко не всегда названия рек старше названий поселений. В основе названия города Полоцка лежит имя реки Полоты; в основе названия города Витебска — имя реки Витьбы и т. д. Но и в основе названия ряда небольших рек лежат имена поселений. Только большие реки прочно удерживают свои имена, названия же небольших речек меняются довольно часто. Очень многие реки имеют вторичные названия. Поэтому при специальном изучении этого вопроса оказалось, что из 163 случаев совпадения на территории БССР названий рек с названиями поселений в 87 случаях первичным было название поселения, в 23 случаях название реки и в 53 случаях выяснить первичность пока невозможно. Например, речка Весейка получила свое имя от села Весей (весь — село), речка Потейка получила свое имя от села Поцейки, выросшего вокруг усадьбы А. Пацея (XVII в.), речка Поджодинка — от имени города Жодино, получившего свое название от личного имени поселенца, Барейшовка — от хутора Борейши (фамилия), речка Веремейка — по имени села Веремейки (белорусская форма от Еремейки), Брагинка — по имени поселения Брагин (личное имя Брага) и т. д.

¹² Б. А. Серебренников, О взаимодействиях языков, «Вопросы языкознания», 1955, № 1.

Старое название реки Червенки сейчас забыто, но известно, что в XVI в., после возвышения г. Игумена, она стала называться Игуменкой, а с 1925 г. после того, как этот город был назван Червенем, речка стала называться Червенкой. Интересен пример реки Ушачи. Расположенное на ней поселение (городской поселок Ушачи или Ушач) именовался ранее Усть-Шать и вся волость называлась Устьшачской¹³. Затем название поселения (Ушачи) перешло на имя реки (речка Ушача). Примерно такова же история названия реки Усвячи (Усть-Вячи) и т. д.

2. К числу неперменных условий применения топонимических материалов относится и сверка списков с их действительным произношением на месте. Недоверие некоторых исследователей к топонимическим материалам основывается обычно на очень частых случаях некритического использования их. Примеров таких ошибок можно привести очень много. Иногда одна буква или особенность смыслового оттенка ведет к ошибкам. Например, в той же работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева название реки Пустометижки объясняется из древнепрусских *pausta* и *Metē*¹⁴. В действительности же такой реки нет, есть не Пустометижка, а Пустомстижка, названная при картографировании именем древнего поселения Мстиж, стоящего неподалеку от нее.

3. Наконец, топонимика может служить надежным основанием для научных построений, если будет сочетаться с глубоким изучением местных языков и диалектов. Было высказано много разнообразных предположений о происхождении названий таких рек, как Волма, Ведричь, Припять, Случь, Пина, и др., но эти названия до наших дней встречаются в виде нарицательных географических терминов в живой речи. Например, термин «случь» (река Случь) имеет совершенно определенный смысл и общую основу с русским термином «излучина» (бел. «злучына»). Русскому префиксу *с-* соответствует белорусский *з-*, поэтому термин «случь» выглядит в белорусском как «злучь». Термин «припечь» (бел. прыпеч) имеет общую основу с русским термином «опечек», зафиксированным также Э. М. и В. Г. Мурзаевыми в других частях нашей страны¹⁵. От этого и название реки Припять («припечь»). Народ вкладывает в подобные термины совершенно определенные понятия. К сожалению, очень небрежным отношением к белорусской терминологии отличается и статья В. В. Седова. Им приведены всего два термина, но и они ошибочны: якобы белорусский «шула» и якобы балтийский «седиба». В действительности же соотношения прямо противоположны. «Шулó» — термин балтийский и означает он в белорусском не «столб», а «опора», «косяк (двери)»; «столб» же по-белорусски — «слуп». Слово же «седиба» (сядзіба) славянского происхождения, оно известно в Белоруссии повсеместно. Сядзіба — это усадьба, и корень в обоих словах один и тот же. Присядзібны участок — это приусадебный участок. В то же время мысли В. В. Седова могли бы быть подкреплены рядом других примеров балтийско-белорусской лексики: «алé», «крумкáч», «арáць», «крыга», «скіба», «абру́с», «áгрэст», «калёць», «анада́й», «адліга», «дзэ́рці», «баламу́т», «ба́гна», «бамбі́за», «бэгчы», «бэ́з», «бланка», «блaзан», «бразгаць», «бруд», «брук», «бурбалкі» и т. д.

Таким образом, специальные топонимические исследования на территории Белоруссии подтверждают некоторые идеи В. В. Седова в

¹³ «Писцовые книги Московского государства», под ред. Н. В. Калачева, от. 2, часть первая, СПб., 1877, стр. 440.

¹⁴ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 203.

¹⁵ Э. М. и В. Г. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов, М., 1959.

смысле участия балтийских народов в этногенезе белорусов. В то же время они позволяют ограничить более точными рамками территорию, где происходило такое взаимовлияние, а также дать ряд дополнительных материалов по этому вопросу. Но В. В. Седов некритически использует топонимические материалы и приводит некоторые данные Е. Ф. Карского и К. Буги, имеющие сейчас лишь исторический интерес. Для решения проблемы этногенеза целых народов нужны более прочные основания.

В то же время нельзя порицать автора статьи (В. В. Седова) или авторов работ по топонимии Поднепровья, поскольку фронтальные и всесторонние исследования топонимии Белоруссии вносят ряд уточнений и изменений, но не отрицают основных и важнейших положений их работ.

SUMMARY

The use of toponymic data for ethnogenetic research demands great caution. Some typical errors in the use of toponymic data are as follows: river names are artificially separated from the rest of the toponymic landscape; written data is insufficiently checked against factual phenomena; local dialects and local geographical terminology are not sufficiently taken into account. V. V. Sedov exaggerates the role of Baltic toponymy and shows its limits wider than the data warrants. Actually it may be distinctly noted only in the North-West of the Bielorussian Soviet Socialist Republic; individual names of Baltic origin occur as far south as the line Pruzhani — Slutsk — Rogatchev. Toponymic data are insufficient to substantiate a Baltic substratum in the ethnogenesis of the Bielorussians; only a comparatively small Baltic component was present in the ethnogenesis of the Bielorussians which took place under conditions of a Slav-Baltic border area. In North-Western, and partly in Central Bielorussia small Baltic nuclei remained for a long time; they were afterwards assimilated (already in historical times). Mutual Baltic-Slav linguistic influence affected the Bielorussian and Lithuanian languages under conditions of a Slav-Baltic border area.